

Воспоминания о Некрасове

- К концу уж это было. Расхворался совсем Миколай Лексеич. Рак у него внутри был. Зовет меня. "Степан, говорит, Петрович"... А он меня Степаном не называл - завсегда Степан Петрович. "Устрой, говорит, охоту, чтобы скоро и хорошо. Да поближе. Как-нибудь, говорит, доеду". Ну, нашел я ему живой рукой серых куропаток. Снарядили его, укутали, посадили и круг под него подложили, - без круга нельзя ему было. Ну, и рессоры тоненькие - не зыбнет. Поехали. И Зина его, Зина Миколавна, супруга, с ним. Кряхтит, охает Миколай-то Лексеич. "Далеко, что ли"? - говорит. А недалечко было. Приехали. "Вы, говорю, не беспокойтесь". Я ведь теперь шмоня, а тогда ходкой был. Разыскал с собаками. "Пожалуйте", - говорю. А он всегда со своей собакой ходил. Слез, пошел. Я это было дальше, а он бросил ружье и кричит: "Степан Петрович! Степан Петрович! Родной мой, не могу! Вези домой!" И не хочет садиться к Зиновине Миколавне. Сел ко мне в шарабан. Круг положили. Едем. Согнулся, молчит. Проехали уж Чудово - молчит. Посмотрел я на него сбоку. Что такое? Засунул палец в рот и кусает. Молчит, бледный, и палец кусает. Перепугался я. "Зачем, думаю, барин палец ест? Никогда этого не было". Выехали на пустолес, он и говорит: "Слушай, Степан Петрович! - сиплый у него этакий голос был. - Слушай, говорит! Ты знаешь, как я тебя люблю. Больше Зины, больше брата. Ну, так слушай, что я тебе скажу. Только, смотри, никому, никогда не сказывай! И Зине не говори. Чтобы между нами двоими только и было". - "Убей меня, бог, говорю". - "Хочу, говорит, застрелиться". - "Что же это, говорю, как же это... слава худая пойдет"... А у самого слезы. Гляжу на него и плачу. И у него слезы. "Не вынести, говорит. Что я могу сделать? Боль такая непереносная. Я уж, говорит, намерялся из револьвера, да побоялся - не убьет сразу. А хочу, говорит, из штуцера". - "Не надо, говорю, Мико-: лай Лексеич! Слово худое - застрелиться". И зачал я его уговаривать. Говорю, говорю, плачу, а он все молчит, зубы стиснул, желтый, худой, согнулся... "А вот, говорит, Боткинский велит в Крым ехать". - "Вот, говорю, и поезжайте с богом. Беспременно польза будет". Ну, поехал он, а легче-то ничего не было... Вы писали потом из Вены доктора, - свои-то не могли,-- операцию делал, провели ему в бок кишку. Ну, как ни мучился, а помер. И за что его бог наказал! Добрейший; был барин до народа. Бывало, заложим тройку вороных, дуем. Сидит он присгорбившись, борода худенькая. Идут галахи. Он сейчас кучера тук в спину, стой! Смотрит. "Здравия желаем, ваше сиятельство!" А он всего-то ваше благородие! Просто благородный барин. Знают, как назвать! Да оно и вправду, что твой князь был!.. "Что, скажет, выпить хочется?" - "Чего выпить! Голодные третий день"... А у него положенье - рупь на человека. А то и по три даст. Мелких не было. Понимал он насчет бедности. Сам испытал. Бывало, начнет рассказывать, как в Петербург приехал. Снял номерок, а денег, не то что - свечу не на чего купить. Спичку засветит, посмотрит, а потом опять темь. Вот как колотился!.. Сам голодал и других понимал. Бывало, никого не минует. Едем раз через Грузинский мост. Едем ходко, тихо не ездили. А мужик с обручами, около дороги, завяз: колеса у него кверху и телега перевернулась. Ну, мы без вниманья. А он - нет! Кучера стук в спину и ногу из тарантаса выкидывает. "Куды вы?" - спрашиваю. "Да бон мужик-то! Околевать ему, что ли? Видишь, не поднимет". - "Да вы-то куды? Вон у вас какая партия дураков. Уж вы-то сидите спокойно. Поднимем без тебя". Ну, пошел я, камендинер - здоровый парнина у него был, еще два-три человека подошло, - народу около него страх сколько кормилось: кто патроны носит, кто сумку, шапку даст нести - неси, за все заплатит. Ну, перевернули, выправили на шоссе. "Ну вот, говорит, нам наплевать, пустое дело, а мужик-то, може, целый день пробился бы". Эх, добрейший был барин! Не знаю, за что бог окоротил век. Хорошему человеку и жизни нет, а другой болтается, черт его знает зачем! Ничего от него, кроме вреда, а живет!.. И мне через него честь большая была. Мужики-то, бывало, за версту кланяются: "Степан Петровичу!" А почему? Потому что охотимся, например, а к ночи Миколай Лексеич спрашивает: "Ну, где мы, Степан Петрович, оснуемся?" Любил он получше. "Да поедемте в деревню". Ну, к хозяину самовар, то да се" А наутро спрашивает: "Ты хозяин? Вот тебе красненькая. А старуха есть? Давай ее сюда. Вот и ей красненькая. А ребятишки есть? Ставь их в ряд". Да и им по трешнице. Вот как! Ну, и знали Степана Петрова! "Зайди, Степан Петрович, посиди!" Знают, с каким барином ездю. Всякому лестно залучить. А без барина-то больно я им нужен! Иди в омут глубокий! Теперь, небось, никто не приглашает! Эх, да кто только не знал барина Мико-лая Лексеича! На тридцать верст каждый мужик, каждая баба не то что его, и собак-то его знали! Раз поехали на бекасов. Ну, ездили, лазили, вернулись домой. Схватились - нет ружья! Потеряли. "Эх, жалко! - говорит Миколай Лексеич. - Поищи, Степан Петрович!" А знаменитое

было ружье, любимое его. Он его не ружьем звал, а "фузеей". "Фузея", говорит. Ну, и правда, что "фузея"! Коротенькое, обкладистое. Как дернет, бывало, по бекасу, словно ножиком срежет. Ловкий был стрелять! Ну, вот и потеряли, А по тому месту шел, значит, мужик в Грузино. Наткнулся на ружье. "Э, говорит, это некрасовское". Ну, и прислал мне сказать. Все его знали и любили. Да как же не любить-то? Не видал я после него таких господ. И за что его бог?.. Нагляделся я на его муку. Кажись бы, все для него отдал. Вот как: поставь мне тогда в помойную яму его и отца родного и скажи: "столкни которого". Так я бы скорее отца, чем его. Да чего там! Скажи мне: "Реши свою иль его жизнь, нельзя вам обоим на свете жить". И вот уж не знаю... Пожалуй, не задумался бы. Пуцай его живет, а я что! Шмонька - шмонька и есть, туда мне и дорога!..

Старик Петров, сидя за столом в красной рубахе и валенках, рассказывал с необыкновенным волнением, местами всхлипывал, вскакивал и бил себя руками в грудь. Интересно было смотреть на этого старика (ему 67 лет), разрываемого стародавними воспоминаниями. Спрашивать его не нужно было: он сам неудержимо и беспорядочно выкидывал факт за фактом, которые воскресали в его голове.

- А что, Некрасов вам жалованье платил? - спросил я.

- Фф!.. Жалованье! - почти с негодованием вскричал он и от изумления не подыскал сразу негодующих слов.

Такое же изумленное восклицание раздалось за перегородкой из кухни, и его жена, старуха, высунув голову в дверь, повторила: "Жалованье! У него-то..."

- Жалованье! Какое жалованье! - порывисто перебил ее Петров, - тут не в жалованье дело! А родной он был! Что жалованье! Он подарки такие давал... Раз у меня лошадь околела. Что, говорит, Степан Петрович, у тебя беда? Ты приходи, говорит, возьми у меня рыжего. А не понравится, Сеньку возьми". А рыжий-то у него сто двадцать рублей даден... Ну, взял я рыжего, никаких мне Сенек не надо. Лошадь здоровая, неломаная, в мужиках такой не найдешь. Да, вот как! И жалованье мне полагалось, да не в жалованье дело. Уж и то мне завидовали прочие егеря. Хотелось им на меня худобу положить. Сами-то, умные, не пошли, а подослали одного иваньковского дурака. Ну, он и начал наговаривать. Призывает меня Миколай Лексеич. Гляжу, сидят трое: Зиновина Миколавна и Василий Матвеич. Важный был барин, Лазаревский, министр, член внутренних дел, главный начальник по делам печати. А у Миколая Лексеича дела-то были по этой части. Ну, понимаете? Без него миновать нельзя. Ну, и был он всегда почетный гость. Дружны были. Да, ну вот сидят. Начал мне Миколай Лексеич выкладывать. Я слушаю, трясусь от злости. "Напиши, говорю, все это на бумагу". - "Зачем?" - "А вот затем: притяну я их к суду и посмотрим, что скажут". - "Ну, это, говорит, не надо". - "Нет, надо!" - Кричу, трясет меня, так бы вот... "Я, говорю, тебе грязной служить не желаю, ты и чистых много найдешь". ... Он видит, что я в сумашествии, налил в бокал портвейну, пошел в кабинет, выходит, несет бокал на ладони. "Выпей". - "Не буду!" А Василий Матвеич, грубый был, кричит: "Пей!" --"Не буду!" - "Я тебе говорю - пей! Не ломайся!" Ну, выпил я, а на ладони бумажка. "Закуси!", говорит Миколай Лексеич. - "Не возьму!" - "Нет, ты, говорит, бери да ступай к этим, возьми вот так за угол бумажку, потряси да скажи, кто, дескать, ище на Степана Петрова наблякает, так ище такую штуку получи". Ну, я, и правда, пошел... "Вот, говорю, за поблеканье-то выше! Поблекочите, ище получи". Мне что! Сам велел! А бумажка-то пятьдесят рублей!..

Примечания

Степан Петрович Петров из Чудовской Луки, егерь-охотник. Воспоминания записаны в 1902 г. И. Жилкиным.

Печатается по тексту газеты "С. -Петербургские ведомости", 1902, No 354, от 28 декабря.